

Волетта МАЙНИЕЦЕ

Королевским подарком для души, ума и сердца многих любителей балета стали недавние московские гастроли Нидерландского театра балета под руководством Иржи Килиана. Второй приезд в нашу страну прославленного коллектива, несомненно, стал самым значительным событием нового театрального сезона. Килиан принадлежит к элите деятелей современного хореографического искусства, как и другие знаменитости поколения "семидесятников" — Джон Ноймайер, Матс Эк, Уильям Форсайт.

Их произведения давно стали международной классикой последней трети двадцатого века, включены в репертуар многих балетных театров мира. Разные по направленности и особенностям дарования, эти балетмейстеры-интеллектуалы сумели создать свой неповторимый пластичный стиль: по нескольким па, отданным танцевальным фразам безошибочно узнаешь их творческий почерк. К тому же трое из них (Ноймайер, Килиан, Форсайт) карьеру танцовщиц и постановщиков начали именно в Штутгарте под руководством Джона Кранко, который поощрял любые начинания молодежи. Так, начав постановочную деятельность в весьма юном возрасте, уже к тридцати годам они, "открывшись", разлетелись по миру, чтобы впоследствии возглавить труппы в Гамбурге, Гааге, Франкфурте-на-Майне, создать свой обширный репертуар, вывести доверенные им коллективы на международный уровень. Творчеством Иржи Килиана (он родился в 1947 году в Праге) мы впервые познакомились еще в начале 80-х годов во время гастролей Шведского Ко-

ролевского балета. Уже тогда две работы классической направленности ("Симфония" Й.Гайдна и "Синяя кожа" включенные в гастрольную афишу позволили угадать широту творческого диапазона коллектива, интерес хореографа по преимуществу к бессюжетным, одноактным балетам, в которых легкий, изящный, лишенный малейшего гротеска юмор и остроумная пародия прекрасно уживаются с чуть отстраненной созерцательностью, даже с ределенной метафизической замкнутостью композиций, глубоким, но порой весьма зашифрованным подтекстом. Словно хореограф и его труппа живут иным измерении, отделенные от зрителя прозрачной стеной, в другом, порожденном по законам музыкально-пластической гармонии мире, понять которые не так-то легко.

Ощущения, возникшие еще при первом знакомстве с килиановским творчеством, подтвердились и в дальнейшем, когда труппа из Штутгарта показала его балет "Возвращение в чужую страну", посвященный памяти Джона Кранко, и особенно во время гастролей самого Нидерландского театра танца в 1985 году. Три разнообразных программы, куда вошли произведения на музыку И.Стравинского ("Свадебка" и "Симфония псалмов"), Л.Яначека ("Симфония ниетта"), М.Равеля ("Дитя и волшебство"), Б.Мартину ("Мятеж"), К.Чавеса ("Ритуальный шаг"), наглядно выявили творческое кредо постановщика, которым Килиан руководствуется до сих пор. Только, быть может, за прошедшие годы еще более созерцательными и абстрактными стали его танцевальные композиции, а в репертуаре театра появились и полнометражные балеты, такие, как изумительный спектакль "Кагуяхиме" ("Принцесса Луны") на японскую музыку и легенды. Подобно многим мастерам современного балета, Килиан обогащал свою лексику за счет восточного танцевального иску-